

ОБЯЗАННОСТИ НАСТАВНИКОВЪ ЮНОШЕСТВА ¹⁾.

1835.

Мм. Гг.

Въ долголѣтнемъ трудѣ, постоянно заботившемъ душу, безъ сомнѣнія самою отрадною минутою бываетъ его окончаніе. Призванные къ образованію молодыхъ людей, готовыхъ теперь съ нами разлучиться для поступленія въ должности, ихъ ожидающія, мы были бы не чистосердечны, если бы не признались, что нынѣшнее торжество такъ же радуетъ насъ, какъ исполненіе надеждъ самыхъ пріятныхъ. Это чувство, вообще столь естественное человѣку, оживлено въ насъ другими частными событиями, которыхъ мы были свидѣтелями еще посреди своей дѣятельности. Вѣнценосный основатель заведенія сего, ввѣривъ его судьбу непосредственной заботливости особѣ, избираемыхъ имъ для распространенія во всей Россіи благотворного свѣта истинной образованости, самъ, отрываясь отъ неисчислимыхъ царственныхъ трудовъ своихъ, на скромныя занятія юношей лично удостоивъ обращать снисходительное свое вниманіе. Въ избыткѣ простосердечной преданности, молодые люди, не видавшіе свѣта, безъ робости осмѣливались здѣсь излагать мысли въ присутствіи Того, предъ чимъ величиемъ, предъ чьею проницательностю часто потупляется взоръ представителя какой-нибудь могущественной державы. И онъ, какъ бы не памятуя уже всего, что свершила собственная его рука для счастія полвселенной, еще съ любовію взиралъ на этотъ разсадникъ, который цвѣлъ замѣтно, только оживляемый

¹⁾ Напечатано въ *Журналь Министерства Народного Просвещенія* 1836 г. ч. IX, Отдѣлъ II. Наука, словесность и художества (стр. 20—42) съ прибавлениемъ въ заглавіи словъ: «Рѣчь, произнесенная въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ ординарнымъ его профессоромъ П. А. Плетневымъ, по случаю выпуска воспитанниковъ, декабря 20 дня 1835 года».

его благостю. Одобрение монарха успокоивало наши заботы; оно къ самymъ надеждамъ такъ привязывало умъ, какъ будто къ че-му-нибудь дѣйствительному: и такимъ образомъ еще прежде, не-жели мы успѣли достигнуть окончанія своего поприща, сердца наши уже приготовлены къ тѣмъ сладостнымъ ощущеніямъ, ко-торыхъ ожидать заставляетъ самъ благотворный трудъ.

Но разматривая положеніе свое съ другой стороны, мы не можемъ не чувствовать и той великой отвѣтственности, которая падаетъ на насъ съ теперешней минуты. Напрасно обманывали бы мы себя мыслю, что совершеніе дѣятельности нашей есть ко-нецъ нашихъ заботъ. Не теперь и не здѣсь истинное оправданіе наше въ исполненіи долга самаго священнаго, какой только воз-лагался когда-нибудь волею государя на его подданныхъ. Каждый мигъ будущей жизни молодыхъ людей, которыхъ мы обязаны были утвердить въ неизмѣнныхъ началахъ истины, добра и чести, связанъ уже съ нашею судьбою. Эта мысль невольно сливаются съ тѣмъ чувствомъ радости, которому мы, какъ люди, не могли противиться. И такова бываетъ радость землевладѣльца, когда онъ въ самое благопріятное время бросить сѣмена въ землю, и возвращаясь на долгое отдохновеніе, перебираетъ въ мысляхъ неотвратимые случаи, которые могутъ погубить всѣ его на-дежды.

Если бы общество, успокоивая совѣсть нашу, не захотѣло при всякой ошибкѣ юношей призывать насъ къ суду своему; если бы даже мы сами въ состояніи были утвердить надлежащую мѣ-ру своей отвѣтственности за другихъ въ будущемъ: то, и за сими предѣлами снисхожденія и законности, сколько еще намъ пред-ставляется опасностей! Мы приготавляли образователей юноше-ства. Обязанности ихъ такъ многосложны, такъ затруднительны, такъ важны, что едва ли какое-нибудь назначеніе можетъ столько озабочить гражданина, какъ поприще, открывающееся питомцамъ нашимъ.

Наставникъ юношества, приступая къ исполненію должности своей, переселяется въ отдельный, новый маленький міръ, куда

обязанъ внести все, что необходимо для сообщенія ему жизни. Счастливъ, если тамъ, гдѣ располагается дѣйствовать, не встрѣтъ онъ чего-нибудь противнаго чистымъ своимъ началамъ. Иначе какія усилія надобно будетъ употребить ему, чтобы только приготовить эту землю для будущихъ трудовъ своихъ. Въ умственномъ и нравственномъ мірѣ ничто не осуществляется безъ органической, такъ сказать, силы. Идея другого должна слиться съ мою душою, должна проникнуть ее и составить съ прочими частями необходимость моего существованія, чтобы умъ изъ этой прививной идеи нѣкогда возрастилъ плоды для себя или для потомковъ. Мысль, другимъ образомъ сообщенная, исчезаетъ. Механическая работа въ дѣлѣ просвѣщенія такъ же ничтожна, какъ соблюденіе формы въ подвигахъ добродѣтели. Но это еще не все: приготовленіе успѣховъ образованности требуетъ усилій двойственныхъ. Наставникъ долженъ чувствовать, что слушатели его и онъ самъ, порознь, могутъ хорошо ити къ своей цѣли; а для взаимнаго труда надобно, чтобы онъ себя образовалъ для нихъ и ихъ для себя. Въ ихъ внутренней дѣятельности потребно единство. Онъ испытываетъ, изучаетъ силы и направленія столькихъ душъ, которые соединяются на время для одной жизни умственной; настраиваетъ ихъ въ тотъ необходимый тонъ, безъ котораго не было бы музыки. Неутомимое вниманіе, многотрудныя соображенія и наконецъ ежедневные опыты раскрываютъ для него важнѣйшую тайну: ему знакомы невидимыя и неосозаемыя пружины. Онъ дѣйствуетъ счастливо: следственно, жизнь началась. Но самая жизнь приводить его къ новымъ заботамъ. Если онъ не наравнѣ съ нею работаетъ; если по мѣрѣ надобности не изменяетъ своихъ размѣровъ, не обновляетъ матеріаловъ, однимъ словомъ, если онъ въ это же время и самъ не живетъ дѣйствительно: скоро все или разстроится, или остановится, или по крайней мѣрѣ охладѣть. При этомъ нравственномъ организмѣ, при этомъ движеніи, необходима сила любви къ должности, которая одна все предвидитъ, все предчувствуетъ и всему даетъ вѣрный успѣхъ. Естественно, что при такомъ порядкѣ занятій нѣтъ точки

успокоенія для заботъ наставника, если онъ предполагаетъ быть истинно полезнымъ.

По другимъ путямъ гражданской дѣятельности идутъ въ сообществѣ съ товарищами, равными силою, лѣтами или назначениемъ. Образователь юношества трудится одинъ: онъ предоставлень самому себѣ. Въ его душѣ заключается все, чего требуетъ природа его, какъ человѣка, для облегченія, для совѣта, для участія. Усладить трудъ, разсѣять утомленіе, побѣдить скуку: на все должно стать его собственныхъ душевныхъ силъ. Въ этомъ бореніи слабости человѣческой съ долгомъ ему необходимо сохранить спокойствіе, или, справедливѣе, отчуждить спокойствіе, и исполниться участія. Въ тайномъ обманѣ его и самое усиление вредно: все должно итти свободно, ровно; пусть будетъ онъ безъ притворства снисходителенъ и безъ остановки занимателенъ. Сколько другихъ нравственныхъ началъ присоединяется къ характеру образователя юношества, о которыхъ можно не говорить, потому что они, какъ первыя условія, известны каждому человѣку. Все это вмѣстѣ должно возникнуть и созрѣть въ душѣ стройно и непринужденно. Между тѣмъ едва ли хоть одно изъ подобныхъ качествъ можно развить, какъ положительную истину, и передать подобно отрасли какой-нибудь науки. Какъ неуловимыя движенія сердца, какъ побужденія совѣсти, эти потребности понятны по нашимъ только ощущеніямъ. Но безъ нихъ, если не бесполезны, по крайней мѣрѣ не вполнѣ дѣйствительны самыя обширныя свѣдѣнія. Успѣхи будутъ зависѣть отъ случая, какъ явленія, называемыя игрою природы, которая никогда въ минералѣ сберегаетъ органическое тѣло для возбужденія любопытства естествоиспытателей.

Согрѣтый любовію къ наукѣ, сроднившійся съ тѣмъ кругомъ, для которого вышелъ на поприще, движимый свѣжими силами духа, исполненный увлекательно-чистыхъ побужденій, разнообразный и неизмѣнныи въ безчисленныхъ отношеніяхъ къ людямъ, образователь юношества еще главное таитъ въ умѣ своеемъ—то, что было его заботою, его страстью въ теченіе мно-

гихъ и, можетъ-быть, лучшихъ годовъ жизни. Посреди любопытной и нетерпѣливой толпы, то слѣпо довѣрчивой, то упорно испытательной, онъ является какъ представитель свѣдѣній, которыхъ полная и гармоническая совокупность называется наукою въ строгомъ ея значеніи. Съ этой стороны, гдѣ можно все взвѣсить, разсчитать, опредѣлить, оцѣнить, ему надобно приготовиться въ совершенствѣ. Каждая наука въ своей длинной послѣдовательности есть исторія и вмѣстѣ критика жизни отдѣльной части ума человѣческаго. Подобно истоку рѣки, начинаясь едва замѣтною струйкой, она свѣтлѣеть, расширяется, высится, и наконецъ объемлетъ необозримое пространство. Всѣ возрасты ея, всѣ дѣйствія, всѣ колебанія, всѣ стихіи прошедшаго и настоящаго, даже грядущія судьбы до нѣкоторой степени должны быть ясны для того, кто навсегда посвящаетъ себя ученому состоянію. Но человѣкъ только ученый еще не образецъ наставника. Обязанности ученаго легче. У него менѣе прямыхъ отношеній. Онъ независимъ, трудится по страсти для совершенствованія науки, и на немъ, какъ на художникѣ, нѣть отвѣтственности, кроме славы или стыда въ будущемъ. Онъ, какъ богачъ, можетъ быть и прихотливо-расточителенъ и прихотливо-скучъ, неразборчивъ и изысканъ въ своихъ желаніяхъ. Наставникъ не смѣеть отстать отъ него въ пріобрѣтеніи умственныхъ сокровищъ. Онъ подвергнется всеобщему осужденію, если не будетъ съ нимъ равенъ въ богатствѣ познаній. Это первая его забота. Но чѣмъ болѣе пріобрѣтается онъ, тѣмъ обширнѣе становится кругъ послѣдующихъ его занятій. Съ какою внимательностю надобно разбирать ему свои пріобрѣтенія, чтобы однѣ оставить у себя, какъ любопытные памятники вѣка или страны, а другія приготовить для немедленнаго употребленія по его обязанностямъ. Наука, въ обширномъ смыслѣ, это зданіе вѣковъ, разнохарактерное, со всѣми неправильными своими прибавленіями, поражающее зрителя страшною смѣсью вкусовъ, недоконченостію или избыточествомъ частей и пустотою переходовъ. Наука на письменномъ столѣ наставника преобразуется въ планъ прекрасно отѣлнаго дома, гдѣ все

принимаетъ видъ единства, правильности, ясности и красоты. Наставникъ знаетъ свое мѣсто, общество, возрастъ его, умственныя и нравственныя его силы, цѣль своихъ дѣйствій и чувствуетъ святость своего призванія. Отвѣтствуя при каждомъ явленіи своемъ за объемъ изложенныхъ истинъ, за вѣрность ихъ успѣха, за слѣдствія впечатлѣній, онъ во всемъ строгъ къ самому себѣ. Онъ столько же страшится легковѣрія, какъ и суемудрія. Опытный и доброжелательный руководитель, онъ избираетъ всегда прямой путь и ведеть по немъ, оставляя излучины, гдѣ можетъ заблудиться непредусмотрительная молодость.

Не одно пріобрѣтеніе и устройство материаловъ, составляющихъ науку, важно и трудно для человѣка, принимающаго на себя званіе преподавателя: онъ созидаетъ тотъ отчетистый языкъ, который мыслямъ даетъ единство жизни и форму сообщительности. Въ безконечномъ ряду разнородныхъ читателей всегда можно предположить классъ людей, которые довольны будуть писателемъ, какъ бы онъ ни изъяснялся: но передъ наставникомъ уже лица опредѣленныя; изъ этого круга ему выступать не позволено. Для него образуетъ онъ языкъ. Каждому предмету своему, каждому обстоятельству сообщаетъ онъ тотъ характеръ и краски, которые привлекаютъ вниманіе, съ легкостію вмѣщаются въ умъ и памяти, и въ то же время блестятъ яркимъ свѣтомъ истины. Если затруднительны такія условія при изложеніи письменномъ, когда еще въ нашей власти и выраженіе и оборотъ и порядокъ идей: то во сколько разъ должно увеличиться затрудненіе при живомъ, не прерывающемся разговорѣ? Посреди торжественнаго вниманія, при неизбѣжномъ приливѣ мыслей, въ пылу душевнаго участія и даже нѣкотораго честолюбія, преподаватель обязанъ говорить вѣрно и быстро, спокойно и живо, мѣтко и свободно, бережливо и выразительно. Между ораторствомъ, обуревающимъ души, и толковитостію, ихъ усыпляющею, онъ ищетъ той плѣнительно-благородной бесѣды, которая сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе, питаетъ умъ, согрѣваетъ воображеніе, очищаетъ вкусъ и размягчаетъ сердце. Совершенство языка есть

залогъ совершенства мыслей. Напрасно думаютъ, что выполнение грамматическихъ правилъ и отчужденіе нелюбимыхъ въ извѣстное время словъ ведутъ къ языку хорошему. Достигнувъ этихъ отрицательныхъ достоинствъ, ничего не пріобрѣтешь для истиннаго совершенства языка. Оно такъ сливаются съ ясностю и живостю представленій, съ истиною и достоинствомъ сужденій, съ вдохновеніемъ и силою чувствованій, что языкъ одинъ хороши—тотъ, который созидается самою лучшою идею. Этому языку можно учиться, только не въ граматикѣ, а въ твореніяхъ великихъ писателей, или, еще вѣрнѣе, въ творчествѣ прекрасныхъ или великихъ мыслей.

Какимъ же образомъ наставникъ покорить себѣ хорошій языкъ, если истина передана ему только для повторенія? Наука, или совокупность истинъ, по неизъяснимому свойству человѣка, способна возрождаться къ новой жизни столько разъ, сколько будетъ вполнѣ принимааема душою. Въ ея непроницаемомъ святилищѣ она (если позволено такъ сказать) разлагается, и исполнившись цвѣтущей свѣжести, новыхъ красотъ, новыхъ силъ, при своемъ оттуда появлениіи облекается въ тотъ языкъ, котораго каждое слово есть живой образъ, каждое выраженіе убѣдительная, всесогрѣвающая мысль. Неотносительныхъ, повсемѣстныхъ и вѣчныхъ истинъ не много. Всѣ онѣ едва ли не современны началу человѣческихъ обществъ. Но и однѣ эти истины сколько разъ въ каждой странѣ, въ каждомъ столѣтіи, являлись между людьми въ видѣ поразительно-новомъ, на языкѣ, созданномъ ихъ рожденiemъ, съ могуществомъ, покоряющимъ всѣ умы и всѣ сердца. Творецъ, вдохнувъ душу въ человѣка, безмѣрно вознесъ его надъ всѣмъ своимъ созданiemъ. Изъ души, этой искры Божества, въ продолженіе столькихъ тысячиелѣтій, на каждой точкѣ обитаемаго міра, ежеминутно возрождаются все новыя и новыя творенія, подобно какъ изъ небытія возникаетъ къ жизни все новый и новый человѣкъ, съ своимъ лицеочертаніемъ, выразительностю и другими свойствами индивидуальности. Но всѣ разнородныя творенія человѣческаго духа, подобно появляющемуся

вновь человѣку, изъ однихъ, вѣчно тѣхъ же образуются элементъ. На этомъ законѣ зиждется безпрерывная послѣдовательность нетщетныхъ усилий нашихъ, нашей неистощимо-плодотворной дѣятельности и справедливо увлекающей насъ возсозиаемости. Если наставникъ, покорившись чуждой системѣ, станетъ повторять ея истины безъ участія, не претворивъ ихъ прежде въ собственность души своей, не выражая въ нихъ внутренней своей физіономіи, не согрѣвая ихъ любовію какъ свое созданіе: то и въ языкѣ его не будетъ органической жизни. Его слова, какъ частицы минерального вещества, не образуя химического цѣлаго, останутся безъ единства, безъ связи, и представлять собою какую-то пеструю массу, въ которой каждая часть носить на себѣ признаки своей отдельной жизни и своего образа. Таковъ часто бываетъ языкъ юныхъ неофитовъ возвышенной философіи, съ тайнами которой еще не успѣли они слиться въ душѣ своей.

Въ предложенныхъ замѣчаніяхъ заключаются частію предварительные соображенія наши, когда здѣсь начиналось образованіе молодыхъ людей, окончившихъ теперь ученіе. Но мы не исполнили бы и половины долга своего, если бы ограничили заботливость свою этими общими предначертаніями. Мы вполнѣ чувствовалъ, что важнѣйшія обязанности наставниковъ изучаются не въ общей теоріи педагогики, но въ потребностяхъ государства и современности.

Западныя европейскія державы совершили другимъ путемъ дошли до нынѣшней своей образованности, нежели Россія. Правда, ученость и у нихъ возникла какъ у насъ отъ изслѣдованія гражданственности древнихъ, отъ любви и благоговѣнія къ ихъ литературѣ. Но ученость и образованность идутъ не вмѣстѣ. Одна составляетъ принадлежность нѣкотораго класса людей, другая необходимость большей части гражданъ; одна занимается предметами отдельно и сколько можно глубже; другая береть ихъ въ соотношеніи съ прочими и старается обнять ихъ на болыше пространствѣ. Ученость приобрѣтается въ тишинѣ уединенного кабинета, образованность въ движеніяхъ жизни общественной.—

Нынѣшняя гражданственность западныхъ Европейцевъ, со всѣми своими принадлежностями, получила первыя начала болѣе, нежели за 500 лѣтъ. Сѣмена ея брошены были въ общества тѣми переворотами, которые совершились на Западѣ во время крестовыхъ походовъ и владычества феодального. Стѣсненіе и бѣдность вызвали разныя сословія гражданъ на труды честные и благотворные, пріучили ихъ уважать мирныя свои общества и дорожить святостю своихъ постановлений. Долгіе опыты умудрили людей, заставили ихъ стремиться къ совершенствованію промышленности, искать для себя помощи въ ученіи и наблюдательности. Жизнь, удобства сношеній, населенность, нравы, учрежденія, самая природа, все вмѣстѣ облегчало имъ уразумѣніе тѣхъ многосложныхъ истинъ, которыя составляютъ образованность государства. У нихъ знанія прошли всѣ свои возрасты. На той же самой почвѣ созрѣли они, гдѣ были посѣяны, гдѣ взошли и расцвѣтали. Тамъ наставнику легко трудиться, трудъ его заранѣе всѣ уважаютъ и любятъ; начала его науки давно упрощены и введены въ кругъ всеобщихъ потребностей. У насъ предстоитъ ему болѣе труда: многія знанія, тѣсно связанныя съ развитіемъ наукъ, еще не привились къ обществу, не обжились въ немъ; даже изложеніе началъ ихъ не облечено давностію въ тѣ формы общежительного языка, безъ которыхъ самая вѣрная истина, самое необходимое правило кажутся затѣйливымъ нововведеніемъ и пугаютъ робкое невѣдѣніе. На приобрѣтеніе основательныхъ знаній многія лица смотрятъ какъ на принадлежность нѣкотораго класса людей, и въ своемъ кругу считаютъ ихъ излишествомъ, роскошью, хотя съ этими только знаніями и можно сдѣлаться прямо полезнымъ членомъ какъ семейства, такъ и государства. Съ тѣхъ поръ, какъ изъ многочисленныхъ областей русскихъ, въ XV и XVI столѣтіяхъ образовано было нераздѣльное органическое цѣлое, съ тѣхъ поръ правительство наше, ревнуя прочія государства ко всякому новому приобрѣтенію умственному, спѣшило усвоять его, и наконецъ въ началѣ XVIII столѣтія, внесло въ нѣдра отечества нашего почти всѣ сокровища гражданственности другихъ Европейцевъ.

Долговременная, безпрерывная попечительность его избавила большую часть народа отъ заботливости собственной. Мы приняли этот даръ съ благодарностю; но онъ не стоилъ намъ ни тѣхъ усилий, ни тѣхъ лишеній, ни тѣхъ тяжелыхъ опытовъ, которыми купили его другіе, и которые одни заставляютъ чувствовать всю его цѣну. Наставники наши должны достигать своей цѣли преимущественно нравственными путями. Каждому изъ нихъ прежде всего надобно сдѣлаться любимымъ лицомъ въ своемъ кругу. Отъ привязанности рождается довѣренность. Начиная съ ближайшихъ отношений, понятныхъ каждому возрасту и каждому состоянію, онъ будетъ осторожно спускаться къ своему предмету, возбудивъ къ нему любопытство множествомъ примѣненій, изложенныхъ безъ строгой системы, со всею живостю занимательного разговора. Пусть каждая бесѣда его пробудить въ сердцахъ слушателей нѣсколько новыхъ добрыхъ наклонностей, которыми обрадованы будутъ и ихъ близкіе. Въ этомъ искусствѣ величайшая выгода. Наставникъ облегченъ будетъ въ трудѣ своемъ многочисленными, для него незримыми пособіями, безъ которыхъ всѣ его труды ничтожны. Въ пользу науки и себя самого онъ создастъ мнѣніе, которое сильнѣе всѣхъ ученыхъ доказательствъ. Подъ его защищою онъ окружитъ себя почитателями. Въ каждомъ новомъ лѣцѣ будетъ являться его сотрудникъ, потому что плоды ученія и всего воспитанія никогда не принадлежать одному человѣку, но вліянію общества, въ кототоромъ находятся и наставникъ и воспитанники.

Изобрѣтательности и дарованіямъ образователя юношества предстоитъ у насъ еще подвигъ. Въ изложениіи наукъ до сихъ поръ мы не достигнули той легкости, той пріятности, той свѣтскости, которая непримѣтно сближала бы съ ними всѣ состоянія подобно тому, какъ иногда умный, но простой разсказъ опытнаго человѣка приковываетъ къ себѣ вниманіе разныхъ возрастовъ. Обыкновенный ученый языкъ нашъ принадлежитъ къ числу предразсудковъ, господствующихъ съ одинаковымъ самовластіемъ какъ между образованными людьми, такъ и необразованными.

Слово, принадлежащее школѣ, представляетъ ту выгоду, что оно сокращаетъ рѣчь. Но оно, какъ условный знакъ, можетъ быть употребляемо только между лицами, равно введенными въ таинства науки. Въ устахъ наставника на немъ есть что-то непріятное и отталкивающее. Оно не странно еще тамъ, гдѣ понятіе, отъ частаго обращенія своего въ обществѣ, заставило и слухъ примириться съ его звуками. Но когда дѣло идетъ о томъ, чтобы водворить идеи, завлечь любопытство ума, подѣйствовать на вкусъ новостію и обольстить душу занятіемъ, которое само по себѣ довольно утомительно, въ такомъ случаѣ всѣ выраженія должны быть созданіями одушевленнаго наставника. Кромѣ школьнаго словъ, въ языкѣ ученомъ есть много выраженій, оборотовъ, приемовъ, наслѣдственно переходящихъ отъ одного поколѣнія къ другому и доказывающихъ печальную истину, что науки мало носятъ на себѣ признаковъ собственныхъ трудовъ нашихъ. Но у насъ болѣе, нежели гдѣ-нибудь, необходимо разложить ихъ на стихіи, освободить отъ бесполезной примѣси разныхъ странъ и вѣковъ, упростить ихъ, чтобы, возрожденныя въ естественной ясности своей и привлекательности, явились онѣ на языкѣ нашемъ какъ собственныя наши созданія, и тѣмъ удобнѣе слились бы съ прочими умственными занятіями. Чѣмъ болѣе можно сдѣлать примѣненій къ жизни изъ систематического какого-нибудь ученія, тѣмъ ревностнѣе надобно стараться низвести его въ сферу общенародного разговора и смѣшать истины его съ понятіями всеобщими. До сихъ поръ, для оборотовъ гражданственности, ученые передавали у насъ познанія свои въ цѣлости и въ строгомъ порядке: потомству нашему предстоитъ практически расширить кругъ каждой ихъ части, и изъ этого богатаго запаса обратно произвести новыя и лучшія системы. Посредниками между настоящимъ поколѣніемъ и потомствомъ назначены быть наставники юношества.

Медленное распространеніе образованности въ среднихъ и низшихъ классахъ происходитъ у насъ преимущественно отъ способа ученія первоначальнаго. Вѣрные успѣхи во всемъ зави-

сять отъ строгой постепенности въ преподаваніи и особенно отъ незыблемаго основанія. Приготовительныя свѣдѣнія въ другихъ странахъ пріобрѣтаются незамѣтно въ первомъ дѣствѣ, еще въ нѣдрахъ семейства, потому что они укоренились въ цѣломъ народѣ. У насъ замѣтна какая-то поспѣшность въ переходѣ отъ ученія начальнаго къ окончательному. Цвѣтущее состояніе высшихъ учебныхъ заведеній не исправляетъ вліяніемъ своимъ тѣхъ недостатковъ юношества, которые происходятъ отъ началъ неполныхъ и слабыхъ. Наставники въ низшихъ училищахъ, повидимому, не оцѣнили еще своего гражданскаго достоинства. На ихъ внимательности и успѣхахъ основано все, что связано съ самою высшею образованностю. Ихъ дѣятельности и дарованіямъ столько же путей къ отличіямъ и пзвѣстности, сколько и первому изъ людей ученыхъ. Тѣмъ прекраснѣе поприще ихъ, что у насъ оно ждетъ еще дѣйствователей. Здѣсь каждый счастливый шагъ, каждое новое покушеніе, малѣйшее открытие есть уже побѣда и право на признательность. Благотворное вліяніе начальнаго ученія распространяется на всѣ гражданскія сословія. Оно составляетъ первую потребность всякаго человѣка. Польза его неизмѣнна. Что можетъ быть занимательнѣе и отраднѣе этого зрелища, которое представляетъ чистый, легкій свѣтъ, постепенно проникающій въ юную душу? Съ этой минуты начинается для нея жизнь, обозначается кругъ дѣятельности, возникаютъ благородныя желанія; ея хранителями становятся достоинство и самочувствіе. На послѣдней ступени общественной жизни, человѣкъ, хорошо введенныи въ кругъ необходимыхъ для него знаній, представляетъ собою что-то привлекательное и внушаетъ къ себѣ уваженіе. А что значить и общежитіе, какъ не взаимное другъ друга уваженіе? Съ этой стороны у насъ ожидаетъ наставниковъ юношества благодарность живѣйшая цѣлой Россіи. Въ мѣста, отдаленныя отъ столицъ, въ города немноголюдные, въ самые окрестности ихъ, они могутъ со временемъ переселить то, за чѣмъ многіе часто по необходимости принуждены отбывать изъ своихъ мирныхъ жилищъ: распространяя постепенно первона-

чальныя необходимыя знанія, столь дѣйствительно измѣняющія образъ жизни и нравы, они могутъ приготовить новое общежитіе, возвысить цѣнность отношеній и указать на способы удовлетворенія разнымъ требованіямъ гражданственности.

Если, говоря объ особенныхъ обязанностяхъ, ожидающихъ въ Россіи образователя юношества, мы увлекались его назначениемъ и предчувствоали въ судьбѣ его что-то высшее, нежели обыкновенно въ ней представляется: это легко изъяснить, съ одной стороны, желаніемъ самыхъ счастливыхъ успѣховъ воспитанникамъ нашимъ на ожидающемъ ихъ новомъ поприщѣ, а съ другой, тѣмъ прекраснымъ положеніемъ, которое въ нынѣшнее время доставлено наставникамъ у всѣхъ образованныхъ народовъ. Ихъ положеніе возвышено не однимъ гражданскимъ достоинствомъ, всегда имъ справедливо принадлежавшимъ. Нѣть, дѣятельность ихъ пріобрѣла значительную, новую цѣну отъ проясненія самой идеи наукъ. Было время, когда наставника почитали человѣкомъ, заключившимся въ общественной дѣятельности, потому что науки составляли неподвижный кругъ за предѣлами гражданской жизни. Школа подобна была теплицѣ, сохранявшей растенія, не принадлежащиа ни почвѣ, ни климату страны, въ которую перенесли ихъ по одной прихоти. Ихъ лелѣялъ трудолюбивый человѣкъ въ полномъ убѣждени, что огромный садъ, окружающій душное затворничество его, не принимаетъ для своего украшенія ни одной рѣдкости, введенной его надзору. Вокругъ него, на необъятномъ пространствѣ, все повиновалось вліянію природы: одни растенія дряхлѣли, падали и, возникнувъ снова, распускались въ другихъ разнобразныхъ видахъ; въ иномъ мѣстѣ, смотря по требованію вкуса и взыскательныхъ нуждъ, исчезали цѣлья аллеи; въ иномъ, дѣйствіемъ воздушныхъ перемѣнъ и способіями владѣльца, образовались то насыпи, то протоки: у него все хранилось въ первоначальномъ порядкѣ, даже безъ отношенія ко временамъ года. Въ самомъ дѣлѣ, давно ли занимались древнею литературою, не думая поучаться въ ней ни исторіи, ни географіи, ни политикѣ, ни гражданственности? Зна-

ніе не составляло пособія къ совершенствованію общественой жизни, потому что ничего современного и дѣйствительного не сводили въ параллель съ прошедшимъ и предполагаемымъ. Съ жалкимъ усиліемъ повторяли идеи и образы, отжившия въкъ свой. Въ миѳології древнихъ и законоискусствѣ, въ ихъ театрахъ и академіяхъ, въ ученыхъ системахъ ихъ и лѣтописяхъ питали и умерщвляли свою любознательность. Все быстро подвигалось впередъ: разсвѣтали новыя гражданскія общества, жизнь облекалась въ новыя формы, нравы смягчались: отношенія государствъ становились многосложнѣе, промышленность, торговля, успѣхи общежитія требовали ревностнаго участія и большей гласности, самая природа, повинуясь человѣку, обильнѣе прежняго снабжала его своими неистощимыми сокровищами; а наставники юношества, не осмѣливаясь произвести ни малѣйшей перемѣны въ ветхомъ зданіи своей учености, оставались глухи и нѣмы посреди этихъ чудесъ общежительности, въ съ немовѣрнымъ хладнокровіемъ повторяли старыя преданія своихъ предшественниковъ. Въ нынѣшнее время они дѣйствуютъ другимъ образомъ. Все ихъ вниманіе обращено на дѣйствительность. Природа и гражданственность: вотъ два источника, откуда почерпаютъ они свои свѣдѣнія. Наблюденіями и опытами доходятъ они до истины. Наука не отстаетъ отъ жизни. Подчиняясь виѣшнему вліянію природы и внутренней дѣятельности духа, жизнь и наука идутъ вмѣстѣ къ великой своей цѣли, то есть къ совершенству. Такимъ образомъ, человѣкъ, облекающійся въ званіе наставника, обязанъ поставить себя въ число первыхъ гражданскихъ дѣйствователей. Неизмѣримую область человѣческихъ знаній онъ дѣлить сообразно потребностямъ вѣка. Общія, всѣмъ необходимыя свѣдѣнія принимаетъ онъ за первыя начала образованности. Отсюда возникла потребность яснаго воззрѣнія на природу, какъ первую хранительницу сокровищъ, необходимыхъ для жизни человѣка, въ которомъ духъ есть зиждитель всего. Человѣка изучаетъ онъ на самомъ мѣстѣ его дѣятельности. Отечество становится для него важнѣйшимъ предметомъ изслѣдованій. Онъ все подвергаетъ въ немъ

непосредственному, ближайшему своему наблюдению, обращается къ его началу, слѣдуетъ за всѣми перемѣнами, и оттого ясно обнимаетъ современное. Въ этомъ занятіи поставляетъ онъ священный долгъ свой.. И вѣщнее или отдаленное также ему не чуждо, но какъ дополненіе къ главному. Въ заключеніе, иногда побуждаемый естественнымъ любопытствомъ, иногда особеннымъ своимъ назначеніемъ, онъ дѣлается изыскателемъ самыхъ древностей чужеземныхъ и довершаетъ тѣмъ полноту своихъ знаній. Ученіе, располагаемое по этой системѣ, привлекаетъ къ себѣ и юношество, вѣряемое образователямъ, и родителей, желающихъ увидѣть въ своихъ дѣтяхъ полезныхъ гражданъ. Развитіе умственныхъ силъ или начало жизни ощутительно связывается съ возрастомъ послѣдующимъ. Такимъ образомъ исчезаютъ лѣта дѣятельности неопределенной, а съ тѣмъ вмѣстѣ не возвращаются въ другой разъ и жалкое дѣтство при вступленіи на гражданское поприще.

Въ семъ великомъ преобразованіи ученія мы Русскіе, безъ сомнѣнія, никому столько не обязаны, какъ нашему верховному Наставнику и Самодержцу, котораго уроками Провидѣніе позволило намъ пользоваться въ это блестательное и благотворное десятилѣтіе. Есть ли въ кругу процветающихъ человѣческихъ знаній хотя одно, на которое бы онъ не успѣлъ уже обратить своего высокаго вниманія? Всеобъемлющій монархъ, мудрый законодатель, блюститель правосудія, хранитель нашей безопасности, покровитель общеполезныхъ свѣдѣній, нѣжнѣйший супругъ и отецъ, онъ шествуетъ передъ нами, и первые опыты улучшенія на всѣхъ путяхъ гражданственности показуетъ намъ самъ, потому что Провидѣніе, для блага Россіи, предназначило каждому прекрасному чувствованію, къ какому только человѣкъ способенъ, пройти черезъ его собственное сердце. Онъ привелъ въ стройное и неизмѣнное движеніе силы этихъ необходимыхъ для высшей образованности учрежденій, которыхъ получили начало при его знаменитыхъ предкахъ. Онъ преобразовалъ, дополнить и утвердилъ на благодѣтельномъ основаніи систему народнаго

воспитанія. Онъ простеръ хранительную десницу свою для вспомоществованія родителямъ въ ихъ семействахъ, чтобы и тамъ все возрастало и цвѣло для общественнаго и частнаго благоденствія. Еще болѣе: онъ спасъ нашу дѣятельность отъ усилій безплодныхъ и суетныхъ. Изъ праха и забвенія онъ извлекъ тѣ неопѣнныя сокровища, съ которыми гордо явиться можемъ мы на судъ просвѣщенѣйшихъ умовъ Европы. Онъ привелъ насъ къ тому источнику духовной дѣятельности, изъ котораго мы почерпаемъ новую, истинную народную славу. Сила творческой фантазіи и неусыпный трудъ изыскательнаго ума оживотворены величіемъ и святостію плодовъ своихъ. Когда зыбкое любочестіе наше, обольщаемое умственными успѣхами чужеземныхъ народовъ, волновалось и двигалось по направленію то одной, то другой державы, довольствуясь слабыми во всемъ подражаніями, онъ указалъ намъ на сердце Россіи и утвердилъ достопиство всего что только носитъ на себѣ русское имя.

Вотъ въ какую эпоху, счастливые юноши, принимаете вы на себя обязанности наставниковъ! Вашъ путь прекрасенъ. Мы радостно привѣтствуемъ васъ, какъ новыхъ своихъ товарищѣй, и когда любуемся на молодость вашу и свѣжія силы, то не безъ зависти представляемъ себѣ будущее. Для васъ конечно еще падолго оно богато и блестящими подвигами и усладительными плодами. Но если вы оправдаете надежды наши, если вполиѣ поймете вы свое назначеніе, если Провидѣніе доведетъ васъ до великой цѣли вашего призванія: то, сходя съ своего поприща, мы отрадно готовы завѣщать вамъ все, чѣмъ такъ сладостно наполнилъ грудь нашу обновитель величія Россіи. Мы соединены съ вами союзомъ священнымъ, союзомъ души. Вы приняли отъ насъ тѣ начала, которыя признали мы лучшими. Но это не все. Въ нихъ одни средства, которыми надобно умѣть управлять. Общежитіе потребуетъ отъ васъ еще многаго, что вамъ не вѣдомо, и все, необходимое для жизни, даетъ только сама жизнь.